

Но «шедевров» нет и нет. Цирковые трюки, световые эффекты, сияющий лик Мао Цзэ-дуна в нимбе золотых лучей, массовая экзальтация актеров, самозабвенно декламирующих соло и хором «мудрые изречения», и прочее не выручает спектакля, в котором нет драматургии и все заменил лубочный истукан, «идеальный герой», вылепленный по рецептам Цзян Цин. К тому же с 1966 года число самих «шедевров» не только не приумножилось, но сократилось: из обихода «вершин» театрального репертуара бесследно исчезли пьесы «Часовые под неоновыми огнями», «Барабаны войны на экваторе» и другие, которые тот же Го Мо-жо тоже назвал «эталонами». Исчезли по неизвестной причине, может быть, из-за того, что Цзян Цин, занятая в это время переработкой драмы «Красный фонарь» для концертного исполнения, не принимала участия в их постановке.

Статьи по вопросам театра и драматургии однотипны: расхваливание до небес того, что пришлось по вкусу Мао Цзэ-дуну и Линь Бяо, и охавание всего остального: от национального, пользующегося признанием во всем мире репертуара театра Мэй Лань-фана и Чжоу Синь-фана до зарубежных «отбросов» (термин Мао Цзэ-дуна) — Шекспира, Пушкина, Чехова, Ибсена, всей современной «ревизионистской» драматургии. Площадная брань, полное отрицание «с классовых позиций» произведений, не отвечающих духу «идей» Мао Цзэ-дуна, характернейшая черта вообще всей литературной критики, знающей лишь один подход — либо «воспевать», либо «осуждать».

За три года на страницах «Чайниз литерачер» не выступил ни один писатель, если не считать Цзинь Цзин-мая, автора «Песни об Оуян Хае». Журнал рекомендует его как писателя, который

«на собственном опыте понял, что право написать такое превосходное произведение ему дало применение идей Мао Цзэ-дуна».

В одной своей статье Цзинь Цзин-май утверждает довольно оригинальный творческий метод:

«написать хорошее социалистическое литературное произведение в одиночку никто не сможет, сделать это можно лишь в том случае, если подчинишь себя коллективу и будешь слушаться старших руководителей и начальство».

О писателях, не признающих этого, он пишет:

«Их души пусты, грязны и пакостны, все они — приверженцы идеологии эксплуататорских классов».

Вторая его статья — изложение самой сути нового метода. Статья состоит из следующих разделов: «Учеба у героя», «Понимание героя», «Изображение героя», «Проблема созревания и становления героя», «Как рисовать портрет героя новой эпохи», «Проблема улучшения (?) образа героя», «Техника изображения героя», «Проблема отбора и улучшения (?) фактов».

Что можно к этому добавить? В журнале редко когда встретишь имя профессионального творческого работника, а если и встретишь, то сразу же натолкнешься на такое:

«Бывшие руководители Пекинской консерватории восхищались совершенством «Спящей красавицы» и «Лебединого озера», они уверяли нас, будто такая музыка возбуждает у рабочих, крестьян, солдат радостное чувство, служит им...», «Ревизионистам по душе рапсодии, их умиляет Девятая симфония Бетховена, исполняя которую они призывают наших музыкантов».

Это пишет не кто иной, как самый модный сегодня в Китае композитор Цзе Фу, автор музыки на все изречения Мао Цзэ-дуна, собранные в «Цитатнике», песни «Председатель Мао нам дороже родителей» и патетической оратории в семи частях «Многие лета председателю Мао».

Пропаганда культа Мао, махровый антисоветизм, неустанные попытки взорвать международное коммунистическое движение — таково содержание всей пекинской прессы. Ревностным экспортером этой духовной отравы за рубеж, ядовитой тем более, что она вывозится под флагом идей коммунизма, идей пролетарского интернационализма, и является журнал современных негодяев из Пекина — «Чайниз литерачер».

АГЕЙ ГАТОВ

КАКОГО ЦВЕТА КУЛЬТУРА?

В апрельском номере журнала «Атлантик» помещена статья профессора Пентони о «черных курсах» («black studies») в американских университетах, то есть о циклах лекций и семинаров, посвященных истории негров, истории афро-американской культуры и ее современному состоянию.

Автор с академической обстоятельностью рассматривает, как и почему возникла сама эта проблема:

«В свете истории требование организовать черные курсы есть стремление воспитать черных руководителей... негры, как и все люди, должны знать, что они не одиноки на земле... они должны знать, что их предки были не просто рабы, гнувшие спины под солнцем белого человека, но что их происхождение восходит к самым значительным царствам и цивилизациям...»

Профессор Пентони говорит и о том, что проблема эта чрезвычайно сложная, выходящая далеко за пределы университетов. Он ставит много вопросов:

«...не будет ли старая ложь на этих черных курсах заменена новыми мифами?.. Не будет ли идеал всечеловеческого братства принесен в жертву братству одной группы людей, подкрепляемому ненавистью к другой группе людей?.. Не будут ли черные курсы означать усиление черного расизма?.. Черный национализм, прославляющий черную кожу, приобретает силу только в том случае, если объектом ненависти становится белая кожа. Печальная истина состоит в том, что белые своими делами и словами снабдили черных националистов всеми необходимыми горькими доводами для создания негативного национализма, основанного главным образом на гневе и ненависти».

В то самое время, как американцы могли читать статью Пентони, обсуждать ее теоретические тезисы и практические предложения, в университетах и колледжах США идея черных курсов стала одним из лозунгов новой волны студенческих мятежей. Вооруженные студенты-негры в течение 36 часов удерживали административные здания Корнельского университета. 150 учащихся колледжа Нью-Йорка, негры и пуэрториканцы, заперлись в аудиториях и не пускали белых преподавателей и белых студентов. Ректорат Гарвардского университета под давлением бунтовщиков согласился на то, чтобы студенты принимали участие и в выработке программ черных курсов, и в отборе профессоров.

Между тем в июньском номере «Атлантика» появилась следующая статья под названием: «Черные курсы: грядущие неприятности». Автор ее — профессор истории Юджин Джиновезе.

«Университеты стоят сейчас перед выбором одного из трех путей: принципиальный, но гибкий ответ на требования черных; догматическая, сопровождающаяся репрессиями приверженность к традиционной, либеральной и расистской по своей сути позиции; и трусливое потакание всем требованиям черных, вне зависимости от того, насколько разрушительными являются эти требования для университета как для центра высшего образования и для американского и afro-американского общества в целом».

По мнению Джиновезе, в третьем пути столько же расизма, сколько и во втором, и не требуется

«особого пророческого дара, чтобы предсказать, что его последствием будет кровавая баня, где жертвами снова станут негры». Автор постоянно подчеркивает, что негритянский вопрос «есть одновременно и национальный и классовый вопрос».

Джиновезе подвергает критике требование, чтобы студенты сами определяли программы черных курсов, и резко осуждает «обскурантские глупости», будто на черных курсах должны читать лекции люди без специальных знаний, без ученых степеней и званий, ибо все эти академические отличия — «белые». Он считает «безумными» заявления, будто организатор СНИК (Студенческий координационный комитет ненасильственных действий) в качестве преподавателя afro-американской культуры ценнее для курсов, чем магистр наук.

«Такие заявления означают презрение ко всякой науке, и к черным курсам в частности... в сущности это не что иное, как белый расизм, хотя подобные высказывания и принадлежат людям с черной кожей».

Сосредоточив свое внимание на многочисленных трудностях в создании черных курсов, Джиновезе тем не менее полагает, что это

«огромный шаг в достижении равенства между белой и черной интеллигенцией».

«Вопрос о черных курсах, как и о черной революции, вновь поставил коренные проблемы классового устройства американской жизни, и любые решения неизбежно касаются самой основы этого устройства...»

Вопрос о черных курсах — лишь часть провозглашаемой сегодня в США «черной культурной революции».

«Мы заявляем о культурной революции в искусстве и в идеях. Культурные ценности, унаследованные от западной истории, должны быть либо коренным образом пересмотрены, либо разрушены до основания. Скорее разрушены, ибо коренной пересмотр вряд ли возможен», — пишет поэт и публицист Ларри Нил в статье «Искусство черных». (Журнал «Тюлейн драма ревью»).

«Белым писателям больше нечего сказать. Было время, когда у них были Бомонт и Флетчер, О'Нил, Одетс, Миллер, Уильямс и Олби. На этом весь опыт белых заканчивается», —

решительно заявляет театральный деятель Вуди Кинг (младший) в статье «Черный театр сегодня».

«Мы должны уничтожить Фолкнера и других сеятелей зла», —
уже попросту требует поэт Дон Ли.

«До недавнего времени я был одним из интегрированных негров, и поэтому у меня в голове царил сумятица; она была начинена бог знает чем... теперь я понимаю: мы больше не должны обращаться к белым читателям. Ведь Достоевский обращался к русским, а не к немцам... Пруст обращался к французам, а не к русским... Я читал цитаты из произведений председателя Мао. Он учит необходимости обращаться к фактам...» —

признается молодой романист Уильям Келли. Его единомышленник Ларри Нил вообще считает, что

«романы — это буржуазное времяпровождение. У нашего сражающегося негритянского народа нет времени читать романы».

Черные курсы, черные факультеты, черная эстетика, черное искусство — эти словосочетания все чаще, все настойчивее встречаются на страницах журналов и газет США.

Им предшествовал и сегодня их неизменно сопровождает главный, всеобъемлющий призыв: «Черная власть!»

Что это значит?

В январе 1966 года Джон Мередит, первый студент-негр в университете штата Миссисипи, был тяжело ранен расистами. На митинге протеста в Гринауде выступил Стокли Кармайкл, известный лидер молодежи, в то время председатель СНИК. Свою речь Кармайкл закончил словами: «Нам, черным, нужна власть». Толпа восторженно подхватила: «Черная власть!» Так родился лозунг. С того дня за прошедшие три с половиной года о черной власти говорили, писали, яростно спорили в статьях, книгах, в телевизионных и радиопередачах.

В одной из книг содержание лозунга раскрывается так:

«Черная власть... это призыв к черным людям этой страны объединиться, осознать свое наследие, создать чувство общности. Это призыв отбросить расистские учреждения и ценности белого общества... Черная власть означает, что негры в США должны рассматривать себя как часть новой силы, иногда именуемой «третьим миром», что они должны видеть свою борьбу тесно связанной с освободительной борьбой во всех странах».

Поэт и драматург Лерой Джонс объявляет исторической и социальной основой грядущей черной власти негритянскую общину:

«Общинность (коммунализм), вероятно, самая древняя форма организации общества на нашей планете. Я считаю, что это восточная, африканская, черная форма. У нашего народа она всегда практически существовала. Чем дальше наши люди уходили от общинности, тем больше они тянулись к западному, к белому обществу... Социализм и коммунизм для меня — абстрактные европейские попытки теоретизировать. Это цели, которых никто и никогда не достигал».

Джонс говорит и о конкретных возможностях черной власти в Америке. Так, например, он уверен, что негритянский союз «Объединенные братья», в который входят бизнесмены, интеллигенты и «маленькие люди», уже к 1970 году будет управлять черной общиной в его родном городе Нью-Арке.

Съезд Коммунистической партии США в мае 1969 года принял специальную резолюцию, в которой в связи с концепцией черной власти сказано:

«Хотя негры сегодня еще не являются отдельной нацией, но мы не налагаем никаких ограничений на развитие национальной борьбы негритянского народа, борьбы за удовлетворение их чаяний вплоть до права на самоуправление, на самоопределение».

Лозунг черной власти прозвучал недавно, но уже давно накапливались те силы, которые сегодня вызывают катастрофические взрывы.

Негритянская революция в США началась как объединенное движение черных и белых противников расизма.

«Мы одолеем — черные и белые сообща», — пели участники этой революции в походах Свободы, на митингах, в церквях и в тюрьмах.

Мартин Лютер Кинг, один из вождей объединенного движения, утверждал, что день, когда американцы придут к новому обществу,

«не будет ни днем белого человека, ни днем черного человека. Это будет просто день Человека».

Кинга убил наемник белых расистов.

Но еще до его гибели в негритянских кварталах гремели выстрелы. В ответ на белый расизм нарастал расизм черный. Вопреки призывам Кинга и его единомышленников, которые хотели совместно с белыми согражданами мирным путем, средствами массового ненасильственного сопротивления преобразовать Америку, среди части негритянской интеллигенции и особенно среди молодежи появлялось все больше экстремистов. Они не хотели белых союзников, не верили белым друзьям. Они шли на улицы с кличем: «Жги, детка, жги!» — били витрины, поджигали общественные здания.

Призывы к черной «культурной революции» неразрывно связаны с этими новыми особенностями негритянского движения в США.

Некто брат Найт* писал:

«Черные художники должны создать новые формы и новые ценности, петь новые песни (или очистить старые), и вместе с другими представителями черной власти они должны создать новую историю, новые мифы, новые символы и легенды (и очистить старые огнем). И создавая свою эстетику, черные художники несут ответственность только перед черными зрителями и читателями».

Поборники черной «культурной революции» с презрением отвергают всю американскую литературу, прежде всего те ее произведения, в которых изображены негры. Ими яростно осуждены и Марк Твен за негра Джима, и Уильям Фолкнер, создавший Лукаса Бичема в романе «Осквернитель праха». Но, пожалуй, с не меньшей страстью обрушиваются черные «хунвэйбины» на писателей-негров, которых они обвиняют в «универсализме». Этим словом, используемым теперь иногда как бранное, обозначают взгляды негров, убежденных в нераздельности судеб черной и белой Америки.

На протяжении столетий белые расисты загоняли негров в отдельные, обособленные поселения. В больших городах Америки появились негритянские гетто. Лучшие люди Америки, белые и черные, боролись за то, чтобы разрушить преграды между расами, то есть настечь распахнуть все возможные выходы из гетто... А сегодня черные националисты пытаются запереть гетто изнутри.

Как и их злейшие враги — белые расисты, — они тоже не хотят никакой интеграции, никакого сближения, смешения рас, никакой ассимиляции. Но обветшалой легенде о расовом превосходстве белых они противопоставляют новую легенду — о расовом превосходстве черных. Лерой Джонс писал:

«Негры — единственная сила американской литературы пятидесятых годов».

Джон Килленз, автор известных у нас романов «Молодая кровь» и «И тогда мы услышали гром», высказал в несколько более сдержанной форме по существу то же самое:

«Драйзер написал превосходный роман «Американская трагедия», но истинно великие американские трагедии будут написаны черными американцами».

Претензии на черную исключительность вполне понятны в свете трагической истории негритянского народа, но не становятся от этого более справедливыми. Недаром на упоминавшемся уже съезде Компартии США были приняты резолюции о единстве черных и белых рабочих, были осуждены экстремисты и анархисты и особенно резко был осужден национализм в области культуры.

Идеи интеграции отстаивают и многие деятели негритянской культуры. Писательница Лорейн Хэнсберри незадолго до своей преждевременной смерти написала драму «Плакат в окне Сиднея Брустайна»**. Это драма о современных американских интеллигентах, большинство из них белые. И в этой очень конкретно американской драме узнают себя, свои тревоги и сомнения люди разных стран, разных народов, разного цвета кожи.

Писатель Ральф Эллисон, один из тех, кто сегодня представляет всю Америку на книжных рынках других континентов, написал роман «Человек-невидимка», в котором главный герой негр. Но в его судьбе олицетворено трагическое отчуждение и то одиночество в гуще людных городов, от которого сегодня страдают миллионы людей всех цветов кожи.

Негритянский литератор Джервис (отвечая Уильяму Келли, который, ссылаясь на Достоевского и Пруста, требовал, чтобы негры писали только для негров) справедливо говорит:

«Достоевский — вовсе не лучший пример в поддержку сепаратизма в литературе. Его значение для литературы Запада основано прежде всего на том, что

* Черные мусульмане, провозгласившие программу воинствующего национализма, отказались от «белых» фамилий, ограничиваясь только именами.

** См. «Иностранная литература» № 3, 1968 г.

он из русского опыта создал великое и универсальное искусство, и потому разные люди могли находить в его произведениях правду о себе, о своем положении...»

Джеймс Болдуин, споря с идеологами черных мусульман (прямых предшественников движения черной власти), хотя и принимая некоторые их тезисы, говорил:

«Чтобы изменить существующее положение, надо прежде всего увидеть его в истинном свете... плохо ли, хорошо ли, но негры сформированы именно этой (американской) нацией и не принадлежат ни к какой иной...»

Ральф Эллисон писал:

«Игнорировать неразрывность связей черных и белых в Америке — все равно что делать кухонным ножом операцию мозга... Еще в штате Алабама я прочитал книги Маркса, Фрейда, Элиота, Паунда, Гертруды Стайн, Хемингуэя, книги, в которых если и упоминаются негры, то чрезвычайно редко. Но именно эти книги освободили меня от «сегрегированного» представления о моих человеческих возможностях».

Мысли Болдуина и Эллисона — это правда действительно существующей негритянской культуры в США. Это правда Лэнгстона Хьюза и Лорейн Хэнсберри, правда Поля Робсона и Дюка Эллингтона, Мариан Андерсон и Гарри Белафонте, Уильяма Дюбуа и Мартина Лютера Kinga... Негритянская поэзия, музыка, пластика в Америке глубоко самобытны. Они создают живую культуру народа, а каждый народ — это личность, единственная в своем роде, неповторимая и прекрасная в этой неповторимости.

«Присутствие негров создало и особую, национально отличную афро-американскую культуру, которая вместе с тем является частью более широкой, интегрированной американской культуры», —

говорит Джиновезе в уже упомянутой нами статье.

Правда белых писателей — Марка Твена и Бичер Стоу, Синклера Льюиса и Фолкнера, Колдуэлла и Харпер Ли — это вместе с тем и «черная» правда, не только потому, что они писали о неграх, но и потому, что их творчество, их мироощущение, их живой язык впитали в себя плодотворные силы и негритянской культуры, негритянского художественного слова.

Этой единой правды, не знающей расовых перегородок, не могут опровергнуть даже самые темпераментные, самые красноречивые проповедники культурного сепаратизма. Ни белые, ни черные. Ведь если единая многоцветная народная культура всегда своеобразна и оригинальна во всех своих творческих проявлениях, то фанатизм любых поборников исключительности, сектантской или шовинистической, при всех своих претензиях на самобытность, на поверку оказывается менее всего оригинальным.

Всемирная культура — сложная система кровеносных сосудов, она развивается органически, она не строится, а растет. Можно нарушить это органическое развитие, вторгнуться в него и, перевязав, а то и обрубив важные артерии, декларировать: а вот здесь начинается белая, желтая, черная и т. д. культура... Такое вмешательство бывает трагичным для судеб отдельных художников и отдельных национальных литератур. Образуется обызвествление, а то и закупорка сосудов.

Один из самых революционных поэтов XX века Назым Хикмет писал:

Я думаю о ремесле поэта, художника, музыканта.
Я понимаю, что с той поры, когда в первой пещере первый зуб
был начертан рукой человека, с той поры и течет река.
И все новые реки впадают в нее, и новые рыбы, и новая тина,
новые вкусы вливаются в ту, что не пересыхает и течет бесконечно.

(Перевод В. Слущкого)

Р. ОРЛОВА

